

Глава 17

На следующее утро над воротами усадьбы Чэнь на Северной улице затрепетали белые траурные ленты.

Проходивший мимо ночной сторож остановился, чтобы полюбопытствовать:

— Кто же это преставился?

Линьцзы, вешавший белые полотна, тяжело вздохнул:

— Старший молодой господин наш. Прошлой ночью внезапно занедужил, да и угас в одночасье.

— Ох, горе-то какое... — покачал головой сторож. — Совсем еще зеленый был, жить бы да жить...

Пока они толковали, к воротам подошел Чэнь Бяо в сопровождении двоих сыновей. Завидев издали белые стяги на дверях, все трое едва сдержали радостную дрожь.

Едва они вознамерились войти, как Линьцзы преградил им путь:

— Прошу прощения, но сегодня семья не принимает гостей. Пожалуйста, возвращайтесь.

Чэнь Цинфэн грубо оттолкнул парня:

— Совсем ослеп, пес? Родного отца моего не признал!

Слуга, конечно, узнал их — каждый год они являлись сюда, чтобы пожить за чужой счет. Но молодой господин Ван еще в прошлый раз велел гнать семейство Чэнь Бяо взащей, если те посмеют показаться на пороге.

Не обращая внимания на угрозы, троица самодовольно прошествовала во двор. Как раз в этот момент Ван Ин распорядился подготовкой к погребальному обряду. Он был облачен в белые одежды, волосы его перехватывала простая лента того же цвета — во всем своем облике юноша был подобен чистой белой лилии. Чэнь Цинфэн так и застыл, не в силах отвести взгляда.

В день свадьбы Чэнь Цинъяня он отсутствовал и не знал, что гэ'эр по фамилии Ван обладает такой внешностью. В его голове тут же зародились дурные мысли.

Ван Ин тоже заметил незваных гостей.

«Быстро же они примчались»

Приняв скорбный вид, он шагнул навстречу:

— Второй дядя пришел.

Чэнь Бяо лишь высокомерно хмыкнул и, даже не взглянув на него, проследовал напрямиком в главный дом.

Чэнь Цинлин поспешил за отцом, и лишь старший сын гостя замедлил шаг, остановившись подле хозяина дома.

— Шурин, ты ведь меня прежде не видел? Я Чэнь Цинфэн, старший брат Цинъяня. В день вашей свадьбы я был занят делами и не смог прийти.

— Видел брата Цинфэна, — отозвался Ван Ин.

Голос его звучал хрипло. Всю прошлую ночь семья обсуждала планы, и к утру горло почти отказывалось слушаться. Однако в ушах собеседника этот хрип отозвался сладкой истомой, словно мягкий крючок, задевший самые сокровенные струны души.

— Брат мой всегда был слаб здоровьем, вот и ушел так рано... Одному тебе теперь будет ох как несладко.

Ван Ин не совсем понимал, к чему тот клонит, но на всякий случай прижал платок к глазам, делая вид, что утирает слезы.

— Благодарю брата Цинфэна за заботу.

В главной комнате Госпожа Ли, изнуренная бессонной ночью, сидела в кресле, совсем лишившись сил. Ей действительно было дурно от усталости, что лишь добавляло достоверности образу убитой горем матери.

— Второй дядя... вы пришли...

— Сестрица, прими мои соболезнования. Я знаю, как тебе горько, но ты должна беречь себя.

— Ох... — Госпожа Ли зевнула и тут же поспешно прикрыла рот ладонью, обращая зевок в притворный всхлип.

Чэнь Цинлин вставил:

— Брат Янь так долго страдал от недуга. Для него смерть — это избавление от мук. Тётушка, не стоит так убиваться, а то и сами занедужите.

Отец бросил сердитый взгляд на младшего сына — тот вечно болтал, не думая.

Хозяйка дома едва сдержалась, чтобы не разразиться проклятиями в его адрес, но, помня о своей роли, лишь отрешенно кивнула:

— Сейчас у меня нет сил принимать гостей. Ступайте к себе, а все дела обсудим, когда закончим с похоронами.

— Ну как же так? — Мужчина поудобнее устроился в кресле. — Похороны — дело важное. Старшего брата нет, и я, как второй дядя, не могу стоять в стороне. Я возьму все заботы на себя!

Госпожа Ли ожидала этих слов. Следуя указаниям, которые Ван Ин дал ей накануне, она произнесла:

— Что ж, тогда полагаюсь на тебя. Свободных денег в доме сейчас почти нет, а моё приданое так быстро не продать. Прошу тебя, второй дядя, сначала оплати расходы из своих средств, а когда всё закончится... распорядись всем по своему усмотрению.

Эти слова прозвучали для гостя как музыка — фактически женщина передавала всё хозяйство в его руки. Он едва не рассмеялся от счастья, но вовремя спохватился и дважды кашлянул, скрывая улыбку.

— Сестрица, не волнуйся! Я устрою племяннику достойные проводы. А сестре и четвертому брату уже велели сообщить?

— Еще нет... Всё случилось так внезапно...

Третья тётушка Чэнь Жун жила в уезде, путь до которого занимал дня два-три, и редко навещалась в родные края. Четвертый дядя Чэнь Цзин и вовсе служил чиновником в Лайчжоу, что было еще дальше.

— Я думаю, стоит послать весть только сестре. У четвертого брата дел невпроворот, не стоит отрывать его от службы ради такой долгой поездки.

— Делай, как знаешь, — Госпожа Ли, не в силах больше сидеть, поднялась и, придерживаясь за голову, ушла в спальню.

Чэнь Бяо, пребывая в превосходном расположении духа, повел сыновей в задний двор, где уже

был устроен поминальный зал.

В это время Чэнь Цинъянь преспокойно лежал в гробу и читал книгу. Ван Ин, опасаясь, что мужу будет неудобно, устелил дно сухой соломой и толстыми тюфяками, так что лежать там можно было хоть целый день без усталости.

Цинъюнь и Цинсун, облаченные в траурные одежды, сидели на циновках и жгли ритуальные деньги. У этих детей за последние годы накопился изрядный опыт: они точно знали, как подбрасывать бумагу, чтобы она не дымила, быстро прогорала и не разлеталась пеплом.

— Сестра, вот мы сейчас жжем столько денег, а получить их некому. Может, их можно как-то положить в подземный банк, чтобы забрать, когда мы сами помрем? — спросил Цинсун.

Чэнь Цинъюнь закатила глаза:

— Ты думаешь, преисподняя — это меняльная лавка? Лучше... сожги эти деньги для отца, пусть он там ни в чем себе не отказывает.

Лежащий в гробу юноша нахмурился, не открывая глаз:

— Перестаньте болтать чепуху. Занимайтесь делом.

Внезапно послышались шаги, а за ними — притворные рыдания Чэнь Бяо:

— Ох, племянничек мой дорогой, за что же тебе такая горькая доля...

Чэнь Цинъянь быстро сунул книгу под себя, поправил одежды и замер, изображая покойника.

Дядя Чэнь, завидев троицу, преградил им путь:

— Зачем вы здесь? Нельзя... нельзя тревожить молодого господина!

Чэнь Цинфэн усмехнулся:

— Смотрите-ка, старая рухлядь! Ты всё еще думаешь, что в этом доме распоряжается мой дядя? Оглянись вокруг. Как только похороним Чэнь Цинъяня, собирай свои манатки и выметайся!

— Ах ты!.. — Лицо старика побагровело от гнева.

Цинъюнь и Цинсун тоже вскочили, с яростью глядя на обидчика.

Чэнь Бяо похлопал старшего сына по плечу и принял на лицо маску фальшивого сочувствия:

— Я понимаю, вам горько от потери брата. Мне и самому не легче! Но жизнь должна продолжаться. Старшего брата нет, невестка осталась одна без опоры, а вы еще совсем дети. Придется второму дяде взять на себя все заботы о вас.

С этими словами он оттолкнул слугу и вошел внутрь. Цинсун бросился было следом, чтобы выгнать наглецов, но сестра удержала его. Дети обнялись, дрожа от ярости.

Войдя в поминальный зал, троица не осмелилась подойти близко к покойнику — всё же яд дали они, и на душе было беспокойно.

Глава пришедшего семейства зажег благовонную палочку и передал младшему сыну:

— Ступай, поклонись брату. Скажи ему, чтобы не беспокоился о земных делах. О матери его и младших мы позаботимся.

Чэнь Цинлин с ухмылкой принял палочку и водрузил её в курительницу:

— Легкого тебе пути, братец.

В гробу Чэнь Цинъянь невольно сжал кулаки.

«Слава богам, всё это лишь притворство. Спасибо А-Ин, иначе наша жизнь превратилась бы в сущий ад»

Чэнь Бяо пододвинул стул и уселся:

— Позовите этого вашего гэ'эра, обсудим, как справлять тризну.

Старик в гневе вышел и вскоре вернулся вместе с Ван Ином. Тот выглядел изнуренным, лицо его осунулось, а от былой дерзости не осталось и следа.

— Как думаешь проводить обряд? — спросил гость.

— Матушка — женщина набожная. Хочет позвать монахов, чтобы семь дней читали сутры. Так его душе будет спокойнее.

Мужчина прикинул в уме, что чтение молитв не должно стоить слишком дорого.

— Хорошо, я пришлю людей за монахами. Что еще?

— Я в этом ничего не смыслю, прежде похорон не устраивал. Пусть второй дядя сам всё решает.

Этого родственник и добивался. Чтобы законно прибрать к рукам наследство, ему нужно было пустить пыль в глаза, иначе Чэнь Жун и четвертый брат могли задать неудобные вопросы.

— Я всё устрою. Для начала дай мне ключи от кладовых.

Ван Ин с явной неохотой отвязал связку от пояса:

— В последнее время матушка часто бывала на горе. Много серебра ушло на пожертвования, так что в закромах сейчас негусто.

Чэнь Бяо не придавал его словам значения и поспешил к сокровищнице. Однако, распахнув двери, он обомлел: кладовая была пуста, если не считать нескольких рулонов дешевой грубой ткани да полупустого ящика с никому не нужной тушью.

— Отец... и что теперь делать?

— Наверняка этот проходимец всё припрятал! — прошипел тот. — Ничего, сейчас зайдем денег, закончим с похоронами, а через пару дней он у меня попляшет!

***

Погребальные обряды в те времена были делом сложным и долгим. На один только выбор места для могилы ушло три дня.

Поскольку смерть Чэнь Цинъяня не была естественной, Чэнь Бяо, опасаясь мести духа, не поспешил на мастера фэншуй. Тот отыскал особое место, способное «придавить» душу покойного, чтобы та не смела бродить среди живых.

Монахов тоже привели — по иронии судьбы это оказались те самые служители из монастыря, где Госпожа Ли оставляла пожертвования. За один день они просили одну связку монет — итого семь связок за неделю.

У Ван Ина таких денег «не нашлось», так что второму дяде пришлось скрепя сердце взять заем под грабительский процент, надеясь расплатиться после вступления в наследство. Всё семейство суетилось, изображая небывалое усердие, так что со стороны могло показаться, будто они и впрямь души не чают в племяннике.

Девятого августа из уезда вернулась Третья тётушка Чэнь Жун. Со смерти старшего брата она не была в родном доме три года, и вот судьба снова привела её сюда на похороны.

Когда повозка остановилась у ворот, гостя, завидев колышущиеся на ветру траурные ленты, почувствовала, как сердце её сжалось. В дом она вошла, захлебываясь слезами.

— Цинъянь! Бедный мой племянничек! О-о-ох!

Госпожа Ли, услышав голос, поспешила навстречу:

— Сестрица, ты вернулась!

Чэнь Жун не могла вымолвить ни слова. Она вцепилась в руку невестки, обливаясь горькими слезами. Ли даже стало не по себе от такой искренней скорби.

— Ну полно, полно тебе... — утешала она её. — Такой путь проделала, не ровен час, сама занедужишь от такого плача.

— Как же так? Внезапно-то как! В прошлом году, когда он приезжал на экзамены, всё ведь было хорошо... Как же за такое короткое время его... не стало...

Хозяйка дома утерла слезы платком:

— После той неудачи на экзаменах он слег с тяжелой хворью. Скольких лекарей ни звали — ничего не помогало, болезнь подточила его силы.

— Глупая ты, сестрица! — сокрушалась Чэнь Жун. — Почему не привезла его в уезд? Я бы, как тетка, последний котел продала, лишь бы его на ноги поставить!

— Ребенок сам не хотел... — Тут Госпожа Ли не лгала: когда сын только слег, она и впрямь хотела везти его в город, но он, едва услышав об этом, начинал бунтовать и отказывался от еды.

— Где он? Дайте мне хоть разок взглянуть на него...

Родственница отвела её в задний двор к гробу. Тётушка была женщиной простодушной и искренней: она припала к телу Чэнь Цинъяня и зарыдала в голос.

Случилось так, что она навалилась всей тяжестью как раз на то место, где у Цинъяня была сильная щеколка. Терпеть это не было никаких сил, и он, не выдержав, инстинктивно её оттолкнул.

Чэнь Жун, увидев, как «покойник» шевелится, вскрикнула от ужаса и тут же лишилась чувств.

Ван Ин, оказавшийся рядом, подхватил её:

— Тётушка лишилась чувств от безмерного горя! Скорее, отнесите её в дом!

<http://bllate.org/book/15812/1427807>